

Следует отметить, что категория результативность (R) успешно применяется в системе управления качеством Госстандарта России, в частности, при энтропийных методах оценки качества продукции¹. Данная категория при решении специальных задач уголовного судопроизводства экономической направленности позволит достаточно аргументированно решить ряд вопросов, возникающих при осуществлении оценки, как материальных объектов, так и хозяйствующего субъекта. Это в методическом плане, на наш взгляд, правильный и достаточно обоснованный подход.

Результативность является функцией от ниже перечисленных семи, но не обязательно взаимоисключающих, критериев. Сущность математической модели результативности проявляется в следующем:

$$R = f(D, \Pi_{прб}, \mathcal{E}, \Pi_{прз}, K, Ж, I), \text{ где}$$

D (действенность) – показатель завершенной «нужной» работы в определенный срок. Данный показатель рассматривается как валовой доход.

$\Pi_{прб}$ (прибыльность) определяется как соотношение между валовым доходом (D) и затратами ($З$) – фактическими расходами.

$\mathcal{E}$ (экономичность) – это степень рационального использования системой средств производства.

$\Pi_{прз}$ (производительность) определяется соотношением объема востребованной продукции с адекватными потребительскими свойствами на ее затраты.

K (качество) – это значение величины количественного показателя соответствия изделия спецификации (ожиданию) определяются как функция зависимостей от степени соответствия системы требованиям, сертификациям и ожиданиям ($q_i, i = 1, \dots, I$);

$Ж$ (показатель качества трудовой жизни) – количественный показатель (критерий) организации функционировать эффективно. Определяется как функция от характера реакции участников производства на социально-технические аспекты (T_i).

I (нововведение) – решающий фактор производительности. Хозяйствующий субъект, который игнорирует нововведение, долго и эффективно функционировать не сможет.

В частности, энтропийный подход в судопроизводстве можно использовать в случаях, когда стороны расходятся во мнениях, например, при аргументации каждой стороной результатов количественной оценки результативности (эффективности) управления хозяйствующим субъектом в свою пользу (когда преимущества одного из альтернативных вариантов не очевидны).

Таким образом, с целью привязки деятельности института государственной судебно-экспертной деятельности к насущным проблемам правоохранительных органов и судопроизводства, мы предлагаем предписать ГУ РФЦСЭ при Минюсте России и ЭКЦ МВД России открыть научно-исследовательскую работу, в рамках которой считаем важным исследовать состояния изложенных выше проблемных вопросов на национальном уровне. По результатам проведенных исследований на предмет осуществления разработки специальных методических руководств для работников государственных судебно-экспертных учреждений, следственных органов различных правоохранительных структур, занимающихся расследованием преступлений экономической направленности (обоснования необходимости в создании института государственной судебной экспертизы эффективности управления субъектом экономики) для этих целей сформировать соответствующий учебно-методический комплекс.

Шедий М.В.

к.соц.н., доцент ОРАГС

m_v_shedij@mail.ru

КОРРУПЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современном российском обществе масштабы коррупции достигли размеров, угрожающих национальной безопасности. Несмотря на всеобщее осуждение, декларацию борьбы с ней и обещание политических партий и руководства страны ее искоренить, масштабы распространения коррупции продолжают увеличиваться. Данный факт подтверждают международные рейтинги, так согласно данным Transparency International индекс восприятия коррупции в России, характеризующий уровень коррупции в стране, в 2010 г. упал с 2,2 (2009 г.) до 2,1 баллов, что является самым низким показателем России в ИВК за последние восемь лет. В результате Россия утратила восемь позиций по сравнению с предыдущим годом и заняла 154 место в рейтинге из 178 возможных. Кроме того, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в октябре 2010 г. уже 80% опрошенных высоко оценивают уровень распространения коррупции в России, 36% россиян считают, что уровень коррупции в стране повышается, 41% не отмечают

¹ См., например: Версан В.Г., Сисков В.И., Дубицкий Л.Г. и др. Интеграция производства и управления качеством продукции. – М.: Изд-во стандартов, 1995. – 320 с.; Гличев А.В. Основы управления качеством продукции. – М.: Стандарты и качество, 2001; Федоренко Г.И., Дадашев М.Н. Использование методов энтропии для решения задач стандартизации // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. Межотраслевой научно-техн. сборник. – М.: ВИМИ, 1998. – № 3–4. – С. 28–43.

роста и лишь 8% отмечают снижение уровня коррупции¹. По сравнению с июльским опросом на эту же тему в октябре 2010 г. доля респондентов, указавших на засилье коррупционеров в стране, выросла на 5%.

Оценивая низкий уровень ИВК и тотальное распространение коррупции в стране, можно констатировать, что российское общество и государство на данный момент не сможет эффективно модернизировать ни экономическую, ни политическую, ни правовую и социальную сферы жизнедеятельности.

В последнее десятилетие борьба с коррупцией стала одной из основных тем политической и социально-экономической жизни практически всех стран мирового сообщества. С коррупцией в России боролись и борются исключительно представители государственного аппарата. Это приводит к двум последствиям: борющиеся органически не в состоянии устранить коренные причины, порождающие коррупцию, поскольку они восходят к важнейшим условиям существования самой системы; борьба против коррупционеров нередко перерастает в борьбу против конкурентов на рынке коррупционных услуг.

Эффективность от такого противодействия исключительно силами бюрократического аппарата будет незначительной, так как еще третий президент США Т. Джефферсон сформулировал: «Предохранять себя от коррупции и тирании можно лишь в то время, когда они еще не овладели нами». Однако, по мнению экспертов, в последние годы в современном российском обществе масштабы коррупции в системе государственного управления достигли огромных размеров. Мнение экспертов подтверждают данные Доклада «Барометр Мировой Коррупции 2010», по которому наиболее коррумпированными публичными сферами в России являются именно государственная служба, суды и правоохранительные органы². Это подтверждают и результаты различных социологических исследований. Так, по данным ВЦИОМ с 2008 г. по 2009 г. жители России укрепились в своем мнении, что причина коррупции заключается в жадности и аморальности чиновников (в 2008 г. таких ответов было 39%, а в 2009 г. – 44%), кроме того, инициаторами коррупционной сделки респонденты в большинстве своем считают исключительно чиновников³.

Эксперты общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» (НАК) утверждают, что коррумпированные представители органов власти играют ключевую роль в рейдерских захватах. Эксперты этой организации «опросили около 100 представителей коммерческих структур и юридических компаний, работающих в области антирейдерских технологий. И выяснили, что без чиновников и судей не обходится ни один захват: они предоставляют информацию, легализуют действия рейдера и блокируют ответные действия собственника»⁴.

Многочисленные попытки противодействия коррупции (принятие Федеральных законов «О противодействии коррупции», «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», утверждение Национального плана и Национальной стратегии противодействия коррупции, ратификация Конвенций ООН против коррупции и об уголовной ответственности за коррупцию, разработка региональных программ противодействия коррупции, научно-методические и прочие мероприятия) отнюдь не приводят пока к качественному изменению ситуации. Так, в 2008 году было зарегистрировано 12,5 тыс. случаев взяточничества, в 2009 году – 13,1 тыс., в январе-ноябре 2010 года – 11,7 тыс. (снижение на 7,8% по сравнению с аналогичным периодом 2009 года). Согласно статистике судебного департамента при Верховном суде, в 2009 году по основным коррупционным статьям осуждено 5719 человек, из них 5458 (95%) – за взятки. Годом ранее за взяточничество осуждено 5548 человек, за девять месяцев 2010 года – 4112 человек. По заявлениям руководителей следственного комитета при прокуратуре, в 2008 году было возбуждено около 10 тыс. коррупционных дел, в 2009 году – 15,7 тыс., в 2010 году – 11,5 тыс. На конец прошлого года в производстве следователей находилось 15,5 тыс. таких дел. Генпрокуратура в 2008 году отчитывалась о выявлении 208 тыс. «нарушений антикоррупционного законодательства», в 2009 году – 263 тыс., за первое полугодие 2010 года – 142 тыс.⁵

Оценивая проводимую антикоррупционную политику, президент Российской Федерации Д.А. Медведев вынужден был признать, что она почти не дала результатов⁶.

Складывается впечатление, что во всей многообразной антикоррупционной деятельности упущено или недооценено какое-то важное звено, которое могло бы снизить масштабы коррупции до сколько-нибудь приемлемого средневропейского уровня и стать катализатором таких структурных, институциональных изменений в системе взаимоотношений общества и власти, которые бы серьезно минимизировали ее влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны.

Международный опыт показывает, что для реализации успешных и стабильных антикоррупционных программ необходимы системные усилия, т.е. согласованные действия всех слоев общества, всех трех секторов: власти, бизнеса и гражданского общества, в т.ч. общественных организаций.

Основными проблемами, встающими на пути общественного участия в процессах предотвращения коррупции, по нашему мнению, являются:

¹ Проблема коррупции в России. Опрос Фонда «Общественное мнение» проведен 16–17 октября 2010 года. Опрошено 2000 респондентов в 44 субъектах РФ. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d104114>

² Центр антикоррупционных исследований «Transparency International – Россия». Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/CENTER/c_barometer.asp.

³ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 4–5 апреля 2009 года. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,3%. Пресс-выпуск № 1210 // http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11788.html?no_cache=1&cHash=b5e94dca9f.

⁴ Черный бизнес. // Ведомости. – М., 2010. – 17 июня.

⁵ Коррупционная статистика 2008–2010 годов // Коммерсантъ. – М., 2011. – № 4 (4545), 14 января.

⁶ Сотни миллионов за взятку? Режим доступа: <http://www.interfax.ru/politics/txt>

1. Противодействие властей. Здесь можно выделить два аспекта. Во-первых, представительные и исполнительные органы власти всех уровней крайне неохотно предоставляют общественности информацию о своей деятельности, о механизмах принятия властных решений, о бюджетном процессе; крайне ревниво относятся к попыткам контроля за своей деятельностью со стороны некоммерческих общественных организаций. При этом отказы в предоставлении информации, в проведении общественных слушаний, в допуске на заседания всякого рода комиссий чаще всего мотивируются чиновниками, во-первых, некомпетентностью этих организаций, во-вторых, их неорганизованностью, т.е. невозможностью добиться от них толковых предложений, выполненных по определенной форме и в определенный срок, в-третьих, тем, что процедура общественного участия не урегулирована законодательно.

Данная позиция бюрократии резко противоречит большей части мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции, который предполагает активное участие в борьбе с коррупцией как всего российского общества, так и гражданских организаций. И в Национальном плане, и в Федеральном Законе «О противодействии коррупции» многократно повторяются положения о значении и месте гражданского контроля. Однако на практике эти положения входят в жесткое и очевидное противоречие с реалиями современной российской жизни. Таким образом, можно констатировать, что органы власти Российской Федерации за крайне редкими, почти уникальными исключениями категорически не приемлют никакого вмешательства организаций гражданского общества и отдельных граждан в свою деятельность. В подавляющем большинстве случаев они рассматривают такое вмешательство, даже аргументированное и сопровождаемое документами и фактами, как некий нонсенс, а то и как посягательство на основы конституционного строя.

Без обеспечения эффективного участия общества в борьбе с коррупцией такая борьба сведется к отдельным посадочным процессам, войне компроматов и бесконечной антикоррупционной риторике.

Во-вторых, стремлением бюрократического аппарата тормозить формирование механизмов реального противодействия коррупции. Это утверждение подтверждает тот факт, что Россия оказалась в числе тех стран, которые заблокировали принятие на Конференции стран-участниц Конвенции ООН против коррупции в ноябре 2010 г., действенного механизма за выполнением странами-участницами требований этой Конвенции. Прикрываясь словами про «защиту суверенитета» и о невозможности допустить «вмешательство во внутренние дела» такие страны как Ангола (Индекс Восприятия Коррупции 2010 г. 1.9 балла, 168 место), Венесуэла (Индекс Восприятия Коррупции 2010 г. 2.0 балла, 164 место), Алжир (2.9 балла, 105 место), Зимбабве (3.0 балла, 101 место), Иран (2.2 балла, 146 место), Китай (3.6 балла, 79 место), Пакистан (2.3 балла, 143 место) и Россия (2.1 балла, 154 место) выступили против проведения независимых проверок, участия в таких проверках гражданского общества и публичного обсуждения докладов о состоянии дел с коррупцией в странах, ратифицировавших Конвенцию ООН¹.

2. Недостаточная мотивация самих граждан принимать участие в процессах предупреждения коррупции: отказы участвовать в общественных слушаниях, экспертизах, контрольных органах. Причинами таких отказов является отчужденность, правовой нигилизм и тотальное недоверие, а также природа российской инерции, в основе которой лежит не столько давление прошлого опыта (культурных традиций), сколько недостаток нового, прежде всего опыта самоорганизации, самоуправления, участия в государственном управлении.

Объяснением такому поведению может служить также преобладающий тип политической культуры среди россиян: субъектная или патерналистская политическая культура, при которой надежды на счастливое будущее свое и своей страны и ответственность за их исполнение возлагается на власти, одновременно слагается всякая ответственность с себя и отрицается возможность личной инициативы в исполнении этих надежд.

Данный вывод находит свое подтверждение в результатах исследования «Барометр Мировой Коррупции 2010», проведенного Transparency International. Так 41,4% опрошенных россиян считают, что простые граждане не могут помочь победить коррупцию, а 41,6% респондентов выразили несогласие лично участвовать в борьбе с коррупцией².

По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, 29% россиян уверены: отсутствие коррупции существенно не повлияет на решение проблем простых людей. Наиболее склонны к такому мнению 35-59 летние (33%). 29% опрошенных граждан не готовы к тому, чтобы проинформировать кого-либо о фактах коррупции (таких респондентов в 2006 г. 24%, в 2008 г. – 31%³). С 2008 г. снизилась доля тех, кто согласился бы сообщить о фактах коррупции в правоохранительные органы (31% в 2008 г. против 22% в 2009 году). Возросло количество желающих проинформировать лично Президента (с 3% до 11%), небольшая доля граждан готова предоставить такую информацию СМИ (7% в 2008 г. и 10% в 2009 г.). Менее всего граждане готовы сотрудничать с местными органами власти, с правозащитными и иными организациями (по 7%)⁴. Анализ статистики обращений граждан о фактах коррупции в различные структуры подтверждает результаты общероссийского опроса. Менее всего звонков на «горячую линию» и «телефон доверия», больше всего жалоб в прокуратуру.

¹ Без реальной борьбы с коррупцией никакая модернизация России в обозримом будущем не светит. Пресс-релиз Центра Трансперенси Интернешнл-Россия в связи с выходом ИБК 2009. Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/CENTER/cpi_09.asp.

² Центр антикоррупционных исследований «Transparency International – Россия». Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/CENTER/c_barometer.asp.

³ Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 20–21 сентября 2008 года. В нем приняли участие 1600 человек из 140 населенных пунктов в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4% // Опубликовано 17 окт. 2008. РИА Новости. // www.ria.ru

⁴ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 4–5 апреля 2009 года. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,3%. Пресс-выпуск № 1210 // http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11788.html?no_cache=1&cHash=b5e94dca9f

Однако изменение типа политической культуры населения представляет собой длительный и трудоемкий процесс. Так, исследования Роберта Патнэма показывают, что успехов в модернизации добились именно те страны, в которых гражданское общество и демократические ценности были сильны еще в XIX веке и сохранялись в форме культурных традиций.

Безусловно важное значение в отношении коррупции может иметь наличие устойчивых традиций демократии в обществе, и, как следствие, высокая степень общественно-политических свобод. Так, Д. Трейсмэн отмечает закономерность, состоящую в том, что страны с большим историческим опытом демократии в значительно меньшей степени подвержены коррупции, чем страны, не обладающие таким опытом или же имеющие относительно небольшой опыт¹.

Общественно-политические свободы оформляют положение личности как гражданина государства, правомочного участвовать в осуществлении власти, в делах общества. Высокая степень подобных свобод повышает вероятность огласки преступных актов и, как результат, раскрытие коррупционных действий. В частности, отсутствие во множестве стран механизма практической реализации права на свободу информации приводит к тому, что гражданское общество начинает вести борьбу за информацию, которая «в общем и целом является борьбой за подотчетность» органов власти². Кроме того, реальное наличие вышеупомянутых свобод позволяет установить особый социально-правовой контроль, который выражается в том, что определенные государственные органы, общественные организации, должностные лица законодательно наделяются властными полномочиями по наблюдению и проверке соответствия деятельности конкретных граждан и юридических лиц предъявляемым требованиям с правом информировать об обнаруженных отклонениях компетентные органы и (или) общественность, предъявлять ходатайства либо рекомендации о привлечении виновных к ответственности³. Необходимым условием при этом является прозрачность. Как отмечалось во Всемирном отчете о преступности и правосудии, «недостаток прозрачности снижает возможности контроля облеченных властью»⁴.

В России же, судя по материалам различных исследований, самый низкий в Европе уровень готовности населения к различным формам добровольной ассоциативной деятельности, а также уровень взаимного доверия. Одним из социологических подходов, использующихся для объяснения распространения коррупции, является трактовка данного явления через общественные отношения как социальный обмен. Обмен предполагает наличие доверия, но в условиях нестабильности размывается базовое доверие в обществе. Однако как пишет польский социолог П. Штомпка, социальная жизнь не позволяет создаться вакууму, и он заполняется псевдодоверительными связями: «Если доверие отмирает, то возникают другие социальные механизмы, как заменители доверия, удовлетворяя универсальные потребности в упорядоченности, предсказуемости, эффективности, справедливости»⁵. Согласно социологу, коррупция вызывает ложное чувство упорядоченности, предсказуемости, контроля над людьми, принимающими решения. В контексте данного социологического подхода коррупция опасна тем, что она замещает нормальные социальные связи псевдоотношениями и формирует «большое псевдообщество»⁶.

Таким образом, коррупция разрушает не только доверие населения к власти, но и горизонтальное доверие людей друг к другу, хотя бы потому, что люди имеют разные возможности пользоваться коррупционными связями. Эти связи непрозрачны, и уже это порождает взаимную подозрительность. Такую же подозрительность могут проявить люди в отношении любых других форм социального продвижения или доступа к большинству дефицитных социальных благ.

В таких условиях представляется совершенно естественным уповать на государство как на единственного субъекта, способного инициировать, финансировать и осуществлять строительство крупных капиталоемких проектов развития инновационной экономики. Однако концентрация власти влечет за собой рост коррупции, которая, в свою очередь, понижает уровень доверия в обществе. В России почти три четверти респондентов убеждены, что им никогда не удастся добиться справедливого отношения к себе со стороны чиновников.

При такой атомизации общества и такой структуре доверия вероятность внедрения норм правового государства крайне невысока, тогда как без правовой институциональной системы проведение эффективной антикоррупционной политики обречена на провал.

Таким образом, возникает замкнутый круг: низкий уровень доверия и низкий уровень уважения к закону требуют возрастания роли государственной власти, но такая концентрация власти снижает уровень доверия и ослабляет правосознание людей. Следовательно, нельзя преодолеть отчужденность и недоверие людей друг к другу, не обеспечивая условий институциональной транспарентности, не поощряя их инициативу и самостоятельность.

3. Незрелость институтов гражданского общества и в первую очередь неправительственных и некоммерческих организаций.

Структуры гражданского общества, которые активно позиционируют себя как борцы с коррупцией, можно классифицировать следующим образом: во-первых, исследовательские и аналитические структуры; во-вторых, общественные организации и движения; в-третьих, организации, созданные по корпоративному признаку; в-четвертых, правозащитные организации. Деятельность таких организаций можно охарактеризовать как «информативную», но не

¹ Treisman D. The causes of corruption: a cross-national study // Journal of Public Economics. 2000. – № 76. – P. 456–457.

² См.: Global Corruption Report 2003. Transparency International. Режим доступа: <http://www.globalcorruptionreport.org/>

³ См. подробнее: Корчагин А.Г., Иванов А.М., Щербаков А.В. Экономические преступления. – Владивосток, 1999. – С. 60.

⁴ Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. – Владивосток, 2001. – С. 289.

⁵ Sztompka P. Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real 6. Civil Society. Dilemmas of Institutionalization / Ed. by J. C. Alexander. – Guildford, Surrey: Biddles Ltd., 1998. – P. 191–210.

⁶ Термин П. Штомпки.

влияющую в данный момент на реальные политические процессы в стране. Следует отметить активное, но чаще всего не слишком результативное стремление указанных исследовательских центров выступать информаторами не только активной общественности, но и властных структур, политического истеблишмента.

Действительно набор инструментов и механизмов влияния в антикоррупционном арсенале гражданского общества весьма ограничен. Помимо работы по широкому гражданскому образованию к ним можно отнести пропагандистскую, мониторинговую и лоббистскую деятельность. В области антикоррупционной пропаганды возможности институтов гражданского общества практически безграничны. Привлечение внимания общества, бизнеса и власти как к отдельным фактам коррупции, так и к системным коррупционным проблемам может носить перманентный характер. Однако максимальный эффект с точки зрения долгосрочности и устойчивости результатов достигается пропагандой не «против», а «за»: за прозрачность, открытость, гласность и подотчетность.

Для того чтобы сформулировать такие четко акцентированные послания, антикоррупционные организации гражданского общества должны использовать инструмент, который обобщенно можно назвать «мониторингом» или сбором и анализом информации о деятельности органов государственной власти, о соответствии этой деятельности законодательству, о выполнении отдельными чиновниками и ведомствами напрямую возложенных на них обязанностей. Такой мониторинг может быть весьма общим, когда институты гражданского общества осуществляют в целом функции общественного или независимого контроля, где подотчетность, во-первых, предполагает право граждан получать отчет посредством необходимой информации о деятельности власти. Во-вторых, подотчетность предполагает право граждан принимать меры, т. е. накладывать санкции, в случае, если информация или объяснения будут сочтены неудовлетворительными.

Кроме того, государство может развивать сотрудничество с институтами гражданского общества по следующим направлениям:

- координация деятельности органов местного самоуправления и правоохранительных органов;
- использование материалов независимых расследований в сфере экономической преступности, проводимых средствами массовой информации;
- сотрудничество в рамках системы социального партнерства с организациями предпринимателей и профсоюзами трудящихся по вопросам социальной политики, формирования предпринимательской корпоративной этики;
- сотрудничество с общественными и религиозными организациями в сфере духовного воспитания общества;
- сотрудничество с общественными палатами и др.

Таким образом, следует отметить, что, к сожалению, «полная и окончательная» победа над коррупцией в принципе невозможна, поскольку ею заражены, прежде всего, властные институты и осуществлять борьбу против себя самих они в полной мере не могут. Необходимы комплексные меры борьбы и совместные усилия политического руководства страны и институтов гражданского общества. Выполняемые сегодня структурами гражданского общества аналитические проекты позволяют оценить реальное состояние коррупции в отдельных сферах и регионах страны, однако разнонаправленные, не достаточно скоординированные действия отдельных сегментов гражданского общества не позволяют, к сожалению, говорить сегодня о высокой эффективности борьбы с коррупцией в современной России.